ДЖЕЙМС ГРЭМ БАЛЛАРД
ПЕСОЧНАЯ КЛЕТКА

Песочная клетка
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Песочная клетка

Аннотация

Когда началось освоение Марса, было принято решение компенсировать массу груза, увозимого с Земли, марсианским песком. Высыпали его на мыс Канаверал. К сожалению, все факторы учтены не были, поэтому сейчас мыс Канаверал представляет из себя пустыню.

Джеймс Баллард

Песочная клетка

На закате, когда багряное зарево, отразившись от растянувшихся вдоль горизонта дюн, осветило белые фасады заброшенных отелей, Бриджмен вышел на балкон. Он окинул взглядом длинные полосы остывающего песка, по которым уже ползла пурпурная тень. Медленно, протягивая тонкие пальцы через мелкие седловины и впадины, тени надвигались, словно гигантские гребни, меж зубьями которых то тут, то там вспыхивали фосфоресцирующие обсидиановые отроги и, слившись наконец в тяжелую волну, накатывали на затопленные наполовину отели. За темными фасадами занесенных песком улиц, сверкавших когда-то коктейль-барами и ресторанами, уже царила ночь. Венчики лунного света украшали уличные фонари бусинками серебряной росы, свешивались с карнизов скатных крыш и, словно инеем замерзшего газа, драпировали закрытые ставнями окна.

Бриджмен стоял, положив высохшие загорелые руки на ржавеющие перила. Последние завитки света погружались в вишневую воронку и

соскальзывали под горизонт, и первый ветерок тревожил мертвый марсианский песок. Тут и там миниатюрные вихри кружили над колючещетинником, сметая с колосков лунные брызги, и облачка белой пыли, проплывая над дюнами, оседали в ложбинах и на склонах. Песчаные заносы постепенно продвигались к бывшей береговой линии, проходившей когда-то ниже отелей. Уже были затоплены первые четыре этажа, и теперь песок подступал к балкону Бриджмена. Еще одна песчаная буря, и придется снова подниматься на этаж выше.

— Бриджмен!

Голос, словно копьем, расщепил темноту. Ярдах в пятидесяти справа, на краю заброшенного защитного барьера, который он когда-то пытался построить ниже отеля, ему махал рукой плотный, приземистый мужчина в потрепанных хлопчатобумажных шортах. Лунный свет прочерчивал на его груди широкие рельефы мышц, крепкие, чуть кривоватые ноги почти по икры ушли в мягкий марсианский песок. Ему было сорок пять лет, и из-за коротко постриженных волос он выглядел почти лысым. В правой руке мужчина держал большую холщовую сумку.

Бриджмен улыбнулся про себя. Терпеливо сто-

явший в лунном свете, под брошенным отелем, Трэвис напоминал припоздавшего туриста, прибывшего на призрачный курорт через несколько лет после его исчезновения.

— Ты идешь? — спросил Трэвис и, когда Бриджмен склонился над балконными перилами, добавил: — Следующий сход завтра.

Бриджмен покачал головой и раздраженно скривился. Он терпеть не мог эти случавшиеся дважды в месяц сходы, когда все семь брошенных, но до сих пор вращавшихся вокруг Земли капсул-сателлитов вместе пересекали небо. В такие ночи он неизменно оставался в комнате и проигрывал старые мемотейпы, спасенные из затопленных прибрежных шале и мотелей — истерическое «Это Мэми Голдберг, 62955 Кокоа-бульвар, я хочу заявить протест против этой безумной эвакуации...» или отстраненное «Сэм Снейд беспокоит, «понтиак» в заднем гараже принадлежит кому-то, кто может его откопать?».

Трэвис и Луиза Вудворд всегда приходили в такие ночи в отель — это было самое высокое здание на курорте, с видом от горизонта до горизонта — и следили за семью сходящимися звездами, каждая из которых следовала вокруг планеты своим бесконечным курсом. Все остальное пере-

ставало для них существовать, о чем прекрасно знали смотрители, именно в эти дни организовывавшие в прибрежных песках самые тщательные поиски. И тогда Бриджмену приходилось вольно-невольно брать на себя обязанности дозорного при этих двоих.

— Я выходил прошлой ночью, — крикнул он Трэвису. — Держись подальше от северо-восточного периметра. Они там будут дорогой заниматься.

По ночам Бриджмен либо вел раскопки в брошенных мотелях, охотясь за оставленными припасами — бывшие обитатели курортной зоны полагали, что правительство вот-вот отменит свой приказ об эвакуации, — либо разъединял металлические, из армированной сетки, секции дороги, проложенной через пустыню для джипов смотрителей. Каждая секция была в пять ярдов шириной и весила около трехсот фунтов. Выбив заклепки, Бриджмен оттаскивал тяжеленные полотна подальше и закапывал где-нибудь между дюн, после чего, совершенно измотанный, весь следующий день не мог двинуть ни руками, ни ногами. В последнее время секции укреплялись тяжелыми стальными кольями, и он понимал, что в конце концов не сможет бороться со смотрителями, разбирая дороги.

Трэвис немного постоял в нерешительности, потом неопределенно пожал плечами и исчез за дюнами, помахивая тяжелой сумкой с инструментами. При скудном режиме питания он оставался на удивление энергичным и решительным. Бриджмен сам наблюдал, как однажды ночью он разобрал целых двадцать секций, а потом соединил на перекрестке соседние линии, отправив на юг, в пустыню, целый конвой из шести машин.

Бриджмен повернул с балкона, но задержался, уловив принесенный прохладным ветерком слабый запах соли. В десяти милях отсюда, скрытое линией дюн, лежало море, и зеленые волны Атлантики разбивались о красный марсианский берег. Когда он впервые пришел сюда пять лет назад, никакого соленого запаха не ощущалось. Океан, однако, понемногу оттеснял побережье в прежние границы. Неутомимый Гольфстрим день за днем бился о мягкую марсианскую пыль, превращая дюны в гротескное подобие причудливых рифов, уносимых ветром в песчаное море. Океан понемногу возвращался, забирая свое просторное гладкое ложе, отсеивая неподъемные для ветра черный кварц и марсианский обсидиан и всасывая их в свои глубины. Солоноватый

привкус все чаще повисал в вечернем воздухе, напоминая Бриджмену, зачем он вообще приехал сюда, и заглушая всякие позывы уехать.

Три года назад он попытался измерить скорость наступления моря, забив в песок, у края воды, несколько колышков, но контуры дюн менялись, и цветные столбики исчезли без следа. Позднее, используя выступ на мысе Канаверал, где в небо, словно куски громадной скульптуры, дыбились монтажные краны и высадочные аппарели, ему все же удалось это сделать посредством триангуляции: море ежегодно отвоевывало по тридцать ярдов. При такой скорости, прикинул он автоматически, сам того не желая, пройдет пятьсот с лишним лет, прежде чем Атлантика достигнет своего прежнего рубежа в Кокоа-Бич.

Пусть и угнетающе медленно, море все же двигалось вперед, и Бриджмену ничто не мешало оставаться в отеле, в десяти милях от воды, имея в своем распоряжении еще несколько лет. Потом, вскоре после прибытия Луизы Вудворт, он стал подумывать о том, чтобы разобрать домик в каком-нибудь мотеле и построить себе маленькое шале поближе к морю. Но береговая линия оказалась местом слишком мрачным, негостеприимным, даже враждебным. Громад-

ные красные дюны тянулись на мили, отрезая половину неба, постепенно растворяясь под действием зеленой океанской воды. Границы прилива как таковой не существовало — только отмель, усеянная кристаллами кварца и ржавеющими фрагментами вернувшихся с балластом марсианских кораблей. Он провел несколько дней в пещере под высоченным песочным рифом, наблюдая, как длинные галереи слежавшейся красной пыли рассыпаются и растворяются в промывающем их холодном атлантическом течении, как они рушатся, словно резные колонны какого-нибудь барочного собора. Летом нагревшийся песок жарил, как шлак расплавившегося солнца, обжигая резиновые подошвы ботинок, а слепящие, режущие глаз вспышки разбросанных осколков кварца напоминали жесткий блеск бриллиантов.

Выйдя с балкона с застывшим в носу сладковатым запахом соли, Бриджмен подошел к столу. Узкий конус экранированного света падал на магнитофон и стопку катушек. Приближение смотрителей всегда выдавал рокот двигателей, после чего в его распоряжении оставалось по меньшей мере пять минут, так что установка в комнате второй лампы опасностью не грозила

— никаких дорог между отелем и морем не было, а отражавшийся на балкон свет издали никак не отличался от короны мерцающих люминофоров, висящих над песком, словно мириады светлячков.

Тем не менее Бриджмен предпочитал сидеть в темной комнате, защищенной кругом книг на самодельных полках. Наполненный тенями воздух ночь напролет веял над его плечами, пока он баловался с мемотейпами, фрагментами исчезнувшего без сожалений прошлого. К рассвету он всегда закрывал ставни, заключая себя в мир вечных сумерек.

Легко адаптировавшись к самоизоляции, Бриджмен организовал день так, чтобы оставить максимум времени для размышлений. На всех стенах висели белые вытравные рисунки и архитектурные чертежи, изображавшие различные профили фантастического марсианского города, спроектированного им однажды, со стеклянными шпилями и панельными стенами, поднимающимися, словно тянущиеся к свету украшения, из багряной пустыни. По сути, весь город был огромным украшением, с блестяще визуализированными уровнями, но притом таким же симметричным и в итоге безжизненным, как ко-

рона. Бриджмен постоянно подправлял чертежи, добавлял какие-то детали, так что они выглядели почти фотографиями оригинала.

Большинство отелей в городе — одном из дюжины таких же курортов, ныне засыпанных песком, а некогда образовывавших непрерывную цепь мотелей, шале и пятизвездочных отелей, растянувшуюся на тридцать миль к югу от мыса Канаверал, — имели достаточные запасы консервированных продуктов, которые пришлось оставить после объявления эвакуации и блокады.

Под шестью футами песка скрывались огромные резервуары и цистерны с водой, а также сотни нетронутых коктейль-баров. Трэвис раскопал их не меньше дюжины в поисках своего любимого винтажного бурбона. Проходя по пустыне за городом, можно было внезапно наткнуться на вырубленные в прокаленном песке ступеньки и проползти под вывеской «Сателлит-бар» или «Зал Орбита» во внутреннюю святая святых с хромированным баром, расчищенным до панельного зеркала и заставленным рядами бутылок и статуэток. Бриджмен был бы рад найти их нетронутыми.

Бесконечные залы игровых автоматов и деше-

вые бары на окраинах приморских курортов, ставшие тягостным довеском к изначальному космическому проекту, низвели последний до уровня какого-то шоу уродцев на пестром карнавале.

Снаружи, из коридора, донесся звук шагов. Кто-то медленно, с паузами в несколько секунд на каждой площадке, шел по лестнице. Бриджмен опустил руку с мемотейпа, прислушиваясь к знакомой усталой походке. Как всегда по вечерам, Луиза Вудворд поднималась на крышу десятиэтажного здания. Бриджмен взглянул на приколотое к стене расписание. Между 12:25 и 12:35 будут видны только два спутника, которые пройдут на высоте 62 градуса в юго-западном секторе неба, через созвездия Кита и Эридана. Ни в одном из них ее мужа не было. До появления спутников оставалось еще два часа, но она уже шла к наблюдательному пункту, где обычно оставалась до утра.

Чем выше, тем тише звучали шаги. Бриджмен слушал их с тяжелым сердцем, представляя худощавую, с бледным лицом женщину, сидящую под лунным небом. Темный ветер касается ее увядших волос, перенося мягкий песок Марса, ради достижения которого отдал жизнь ее муж,

и она не уходит, она, как скорбящая жена какого-нибудь моряка, ждет, пока море вернет тело ее супруга. Трэвис обычно присоединялся к ней позже, и они сидели рядышком, бок о бок, на крыше высотки, над неоновой вывеской отеля, матовые буквы которой висели у их ног, будто фрагменты расчлененного зодиака, а потом, на рассвете, спускались, выходили на заполненные тенями улицы и возвращались в свои гнезда в ближайших отелях.

Поначалу Бриджмен частенько делил с ними ночные бдения, но через какое-то время что-то в этом бессмысленном созерцании звезд стало казаться ему неприятным, отталкивающим, если не сказать омерзительным. И дело было не столько даже в самом отвратительном спектакле с участием мертвых астронавтов, кружащих по орбите в своих капсулах, но в странном ощущении молчаливой общности между Трэвисом и Луизой Вудворд, будто исполнявших некий интимный ритуал, на участие в котором Бриджмену рассчитывать не приходилось. Какими бы ни были первоначальные мотивы, иногда ему казалось, что их перевесили другие, более личные.

Предположительно, слежение за спутником мужа помогало Луизе Вудворд освежать память о

нем, но Бриджмен подозревал, что в действительности она подсознательно хотела бы сохранить память о себе двадцатилетней давности, когда ее супруг был знаменитостью, а ее саму обхаживали журналисты и телерепортеры. В течение пятнадцати лет после смерти Вудворда — он погиб, тестируя новую, облегченную пусковую площадку, — она вела кочевой образ жизни, неугомонно носясь на дешевой машине от отеля к отелю по всему континенту, следуя за мужниной звездой, когда та появлялась в восточной ночи, пока не обосновалась наконец в Кокоа-Бич, в виду ржавеющих кранов на другом берегу залива.

Сложнее дело обстояло с подлинными мотивами Трэвиса. После двух лет знакомства с Бриджменом он признался, что чувствует за собой долг чести перед мертвыми астронавтами, показавшими ему, тогда мальчишке, пример мужества и жертвенности — хотя большинство из них пилотировали свои вышедшие из строя капсулы уже за пятьдесят лет до рождения Трэвиса. Теперь, когда они буквально забыты, он обязан в одиночку поддерживать слабеющее пламя памяти. Бриджмен поверил в его искренность.

Однако позже, перебирая стопку старых журналов из багажника машины, раскопанной на

стоянке мотеля, он наткнулся на фотографию Трэвиса в алюминиевом скафандре и узнал его историю. Судя по всему, какое-то время Трэвис и сам был астронавтом. Точнее, кандидатом в астронавты. Будучи пилотом-испытателем в одном из гражданских агентств, отправляющих на орбиту ретрансляционные станции, он психологически сломался на обратном отсчете, и этот его миг страха стоил компании около пяти миллионов долларов.

Очевидно, именно неспособность принять слабость собственного характера, обнаружившуюся, к несчастью, когда он лежал на спине в контурном кресле высоко над стартовой площадкой, привела его на мыс Канаверал, в забытую Мекку первых героев астронавтики.

Бриджмен попытался, по возможности тактично, объяснить, что никто не винит его за утрату контроля над собой, что ответственность лежит в меньшей степени на нем и в большей на селекционерах или, по крайней мере, неудачной последовательности двусмысленных вопросов — как он горько пошутил, кресты в одних квадратиках нести тяжелее, чем в других. Но Трэвис, похоже, уже все насчет себя решил. Ночь за ночью наблюдая за сверкающей погребаль-

ной процессией, прокладывающей золотистую дорожку к утреннему солнцу, он смягчал свое падение тем, что ставил его в один ряд с крахом более значительным, но безвинным с их стороны — крахом семи астронавтов.

Трэвис по-прежнему, в соответствии с установками того времени, носил стрижку «могиканин» и поддерживал себя в отличной физической форме, следуя жесткому режиму, в рамках которого существовал до своего прерванного полета. Поддерживая себя им же созданным мифом, он создал неприступную линию обороны.

«Дорогой Гарри, я взяла машину и сейф. Извини, что все кончается так…»

Бриджмен раздраженно выключил мемотейп с пустой болтовней тридцатилетней давности. Какая-то не вполне осознанная причина мешала ему принять Трэвиса и Луизу Вудворд такими, какими они представляли. Он не любил в себе эту черту: неспособность к состраданию, не дающее покоя стремление выявить мотивы других людей, содрать защитную оболочку, оголить их нервные струны, тем более что его собственные мотивы пребывания на мысе Канаверал вызывали сильные подозрения.

Зачем он здесь? Какую собственную неудачу

пытается изжить? И почему избрал местом искупления именно Кокоа-Бич? Три года Бриджмен задавал себе эти вопросы, так что в конце концов они потеряли всякий смысл, как какой-нибудь замшелый катехизис или надоевшие самоистязания параноика.

С должности главного архитектора большой компании по развитию космических исследований он ушел после того, как крупный правительственный контракт на проект первого марсианского поселка, от которого зависело будущее фирмы, достался конкурирующему консорциуму. В душе, однако, Бриджмен понимал, что отставка стала выражением подсознательного согласия с тем, что при всех его творческих талантах решение специализированной, более прозаической задачи по проектированию городка оказалось ему не по плечу. На чертежной доске оторваться от земли не получалось.

Мечты построить новые, в готическом стиле, космопорты и контрольные вышки, стать Фрэнком Ллойдом Райтом и Корбюзье первого города за пределами Земли растворились навсегда, но принять альтернативу — проектировать бюджетные больницы в Эквадоре или жилые комплексы в Токио — Бриджмен уже не мог. Год он плыл бес-

цельно по течению, но потом несколько цветных фотографий багряных закатов на Кокоа-Бич и репортажей о затворниках, живущих в утонувших в песке мотелях, дали ему верный компас.

Бриджмен положил в ящик мемотейп и еще раз напомнил себе, что должен принимать Луизу Вудворд и Трэвиса на их условиях, как жену, несущую скорбную вахту скорби по мертвому мужу, и астронавта, в одиночку стоящего в карауле памяти по погибшим боевым товарищам.

Порыв ветра ворвался через балконное окно, разбросав по полу пригоршню песка. Пылевые бури обрушивались на берег по ночам. Изолированные остывающей пустыней термальные озерца внезапно соединялись, словно капли ртути, и взрывались по мягкому песку миниатюрными торнадо.

Неподалеку, ярдах в пятидесяти, тени прорезал замирающий кашель мощного дизеля. Бриджмен быстро выключил маленькую настольную лампу — к счастью, благодаря его собственной скаредности, в цепь был подключен маломощный аккумулятор — и подошел к окну.

У левого края противопесочного заграждения, наполовину скрытый в длинной тени отеля, притаился большой гусеничный вездеход

камуфлированной окраски. Над бамперами, непосредственно перед корпусом двигателя, возвышался узкий наблюдательный мостик, через плексигласовые окна которого за отелем, медленно переходя от окна к окну, наблюдали в бинокль два смотрителя. Позади них, под стеклянным куполом вытянутой водительской кабины, сидели еще трое и контролировали внешние поворотные фары. Пульсировавший в ритме двигателя тонкий огонек был готов в любой момент бросить свой мощный луч в открытую комнату.

Бриджмен притаился за жалюзи. Бинокли наблюдателей добрались до соседнего балкона, передвинулись на его собственный, задержались на секунду и перешли на следующий. Столкнувшись с диверсиями против дорожных настилов, смотрители, очевидно, изобрели новый тип транспорта. Поставленные на четыре широких гусеницы, огромные приземистые машины не нуждались в сетчатых настилах и могли свободно передвигаться между дюнами и песочными холмами.

На глазах у Бриджмена машина медленно развернулась — глухое басовитое ворчание двигателя почти при этом не изменилось — и двинулась вдоль линии отелей, почти нераз-

личимых на фоне зыбучих песков. Через сотню ярдов, на первом перекрестке, она повернула к главному бульвару, оставляя за собой хвост поднятой в воздух пыли, похожий на тонкие выхлопы пара. Люди на наблюдательном мостике продолжали смотреть на отель. По всей вероятности, они все же засекли то ли отраженный блик света, то ли Луизу Вудворд на крыше. Выходить из машины с риском наглотаться ядовитого песка им, разумеется, не хотелось, но они сделали бы это без колебаний, зная, что могут рассчитывать на поимку одного из бичкомберов.

Взбежав по ступенькам и пригибаясь под выходившими на бульвар окнами, Бриджмен прокрался на крышу. Притаившийся под козырьком большого универмага напротив вездеход смотрителей походил на громадного краба. Когда-то козырек висел над землей на высоте пятидесяти футов, теперь же это расстояние сократилось до шести-семи, и машина укрылась в его тени с выключенным двигателем. Стоит смотрителям засечь какое-то движение в окне или заметить возвращающегося Трэвиса — и они тут же выскочат из люков со своими сетями и лассо, чтобы повязать нарушителей по рукам и ногам. Бриджмен однажды стал свидетелем

того, как один бичкомбер выскочил из отеля, в котором скрывался, и побежал, похожий на неуклюжего паука в центре черной резиновой паутины, а смотрители с закрытыми масками лицами гнались за ним, словно черти из какого-то абстрактного балета.

Добравшись до крыши, Бриджмен шагнул под молочно-белый лунный свет. Облокотившись о балконные перила, Луиза Вудворд стояла, устремив взгляд в далекое, невидимое море. Услышав тихий скрип двери, она повернулась и вялой походкой двинулась по крыше. Ее бледное лицо плыло в воздухе сияющим нимбом. На ней было свежевыглаженное ситцевое платье, которое она нашла в заржавевшей стиральной машине какой-то прачечной, и волосы стелились за ней, подхваченные ветром.

— Луиза!

Она вздрогнула от неожиданности, споткнувшись об обломок неоновой вывески, и отступила к нависающему над бульваром балкону.

— Миссис Вудворд! — Бриджмен удержал ее, взяв за локоть, и, прежде чем она успела вскрикнуть, поднес руку ко рту. — Внизу смотрители. Наблюдают за отелем. Нам нужно найти Трэвиса, пока он еще не вернулся.

Луиза замерла в нерешительности, вероятно не сразу узнав Бриджмена, потом обратила лицо к черному, мраморному небу. Бриджмен посмотрел на часы — почти 12:25 — и прошелся взглядом по звездам в юго-западной части неба.

— Они уже почти здесь. Я должна их увидеть, — пробормотала она. — Где Трэвис? Ему нужно быть на месте.

Бриджмен потянул ее за руку.

— Может быть, он увидел вездеход. Миссис Вудворд, нам надо уходить.

Она вдруг вскинула руку, указывая на небо, вырвалась и подбежала к перилам.

— Вон они!

Бриджмен с раздражением ждал, пока она во все глаза следила за двумя пятнышками света над западным горизонтом. Это были Меррил и Покровский — последовательность второй системы созвездий с более сложной, но и намного более внятной периодичностью и прецессией, он знал не хуже любого школьника, — Кастор и Поллукс орбитального зодиака, чей приход знаменовал появление всей группы следующей ночью.

Застыв у перил, Луиза Вудворд не сводила с них глаз. Ветер поднял с ее плеч волосы и удерживал пряди горизонтально за головой. Под ногами

кружилась, шурша и оседая на обломки неоновой вывески, красная марсианская пыль. Пальцы ее бегали по перилам, оставляя за собой сверкающую розовую накипь. Когда спутники наконец затерялись среди звезд, она подалась вперед, подняв лицо к молочно-голубой луне, словно моля отсрочить их уход, потом, с ясной улыбкой, повернулась к Бриджмену.

Возникшие было подозрения рассеялись, и он ободряюще улыбнулся в ответ.

— Роджер будет здесь завтра ночью. Надо быть осторожными, чтобы смотрители не схватили нас раньше.

Он вдруг поймал себя на том, что восхищается ею, той стойкостью, с которой она исполняет свою долгую службу. Может быть, она думает о муже как о живом, и это помогает ей терпеливо дожидаться его возвращения? Бриджмен помнил, как Луиза сказала однажды: «Знаете, Роджер ведь был совсем еще мальчишкой, когда отправился в полет, и я сейчас чувствую себя скорее его матерью». Сказала, словно боялась, как Вудворд отреагирует на ее высохшую кожу и поблекшие волосы, боялась, что он мог даже забыть ее. Гибель мужа, какой ее представляла Луиза, наверняка была явлением некоего иного

порядка, нежели кончина обычного смертного.

Держась за руки, они осторожно спустились по крошащимся ступенькам и выпрыгнули из террасного окна на мягкий песок чуть ниже ветрозащиты. Бриджмен сразу погрузился по колено в мелкую, серебристую под луной пыль, но потом, таща за собой Луизу, выбрался на более надежный участок. Они проскользнули через брешь в покосившемся палисаде и побежали от заброшенных отелей, безмолвно, словно черепа, вырисовывающихся в пустом свете.

— Пол, подожди! — Наблюдая за небом, Луиза споткнулась, попав в ложбинку между двумя дюнами, упала на колени и со смехом поковыляла за несущимся по пригоркам и впадинам Бриджменом. Ветер сдувал песок с верхушек холмиков, и шквалы пыли разбегались беспокойными волнами. Оставшийся позади, в сотне ярдов, город, напоминал заброшенную съемочную площадку, освещенную камерой-обскурой заходящей луны. Теперь они стояли на месте, где был когда-то океан, и глубина достигала десяти фатомов. В проносящихся шапках белой пыли, светящихся словно стайки крошечных живых существ, Бриджмен ловил едкий, солоноватый привкус. Он ждал, но Трэвис не появлялся.

— Луиза, нам нужно вернуться в город. Поднимается пыльная буря, так что Трэвиса мы здесь не увидим.

Они прошли между дюнами, потом по узеньким переулкам между отелями прокрались к северному входу в город. Бриджмен нашел подходящее для наблюдения место в небольшом жилом блоке, и они устроились на теплом, как удобная подушка, песке, глядя на уходящую вниз улицу. Ветер гнал по перекресткам клубы белой пыли, скрывая вездеход, припарковавшийся в сотне ярдов от них, на бульваре.

Через полчаса мотор наконец заработал, и Бриджмен начал окапываться.

— Слава богу, они уходят!

Луиза Вудворд подняла руку:

— Смотри!

Наполовину скрытый облаками пыли, к ним медленно, легонько помахивая лассо, приближался смотритель в белом виниловом костюме. Шедший за ним на расстоянии нескольких футов второй смотритель просматривал в бинокль окна жилого блока.

Бриджмен и Луиза отползли под потолком назад, протиснулись под фрамугой, выбрались в кухню в задней части квартиры и откуда, через

окно, в засыпанный песком двор. Между домами, вздымая пыль, гулял ветер.

Свернув за угол, они вдруг увидели движущуюся по боковой улочке колонну смотрителей, за которыми медленно полз вездеход. Не успел Бриджмен выпрямиться, как правую икру пронзил спазм боли, сковавший икроножную мышцу. Он упал на колено. Луиза оттащила его к стене, а потом указала на плотную, приземистую фигуру, устало ковыляющую по кривой дороге в город.

— Трэвис…

В правой руке он нес сумку с инструментами, под ногами тихонько звенел сетчатый настил. Опустив голову, Трэвис, похоже, не замечал притаившихся за поворотом смотрителей.

— Эй! — Пренебрегая собственной безопасностью, Бриджмен поднялся и бросился на середину улицы. Луиза попыталась остановить его. Прежде чем смотрители увидели их, они пробежали ярдов десять. Вслед за предупредительным окриком поворотная фара бросила на улицу широкий конус света. Словно огромный, запорошенный пылью бык, вездеход устремился вперед, скребя гусеницами по песку.

— Трэвис!

Бриджмен и отставшая шагов на десять Луиза

Вудворд уже достигли поворота, когда Трэвис наконец очнулся, поднял голову и, бросив за спину сумку с инструментами, помчался к крышам мотелей, выступающим из-под песка на противоположной стороне улицы. Ногу Бриджмена атаковал новый спазм. Преодолевая боль, он заковылял следом, а когда Трэвис вернулся, попытался отмахнуться от предложенной помощи, но Трэвис решительно сжал его локоть и потянул вперед, поддерживая, как санитар пациента.

Окруженные вихрями пыли, они прошли по заметенным улицам и выбрались в пустыню. Крики смотрителей затерялись в рокоте и грохоте двигателя. Тут и там, словно образчики причудливой металлической растительности в каком-то неземном саду, из красного песка выступали старые неоновые вывески — «Мотель Сателлит», «Планета-бар», «Отель Меркурий». Прячась за ними, они дошли до заросших кустарником дюн на краю города и двинулись дальше по тропинке между песчаными рифами. В одном из глубоких, напоминающих перевернутые дворцы гротов из плотно сбитого песка и переждали пыльную бурю. Перед рассветом смотрители прекратили поиски — к рифам тяжелый вездеход пройти не мог.

Словно выказывая презрение к врагу, Трэвис достал зажигалку и разжег из собранных в оврагах деревяшек небольшой костер. Бриджмен, опустившись на корточки, протянул к огню озябшие руки.

— Они впервые за все время вышли из вездехода, — заметил он. — А значит, получили приказ поймать нас.

— Может быть, — пожал плечами Трэвис. — Они тянут забор вдоль берега. Наверно, хотят отсечь нас навсегда.

— Что? — Охваченный внезапным беспокойством, Бриджмен поднялся. — Зачем им это? Ты уверен? Я к тому, какой в этом смысл?

Трэвис посмотрел на него с сухой усмешкой на выбеленном лице. Обвивавшие голову струйки дыма поднимались мимо змеевидных колонн к клочку неба в сотне ярдов у них над головой.

— Извини, что я так говорю, но если хочешь уйти, уходи сейчас. Через месяц уже не сможешь.

Бриджмен пропустил его слова мимо ушей и повернулся к темной расселине, обрамлявшей созвездие Скорпиона, словно в надежде найти там отражение далекого моря.

— Они, должно быть, рехнулись. Забор длинный?

— Около восьмисот ярдов. Осталось немного, так что закончат быстро. Ставят уже готовые панели высотой футов в сорок. — Заметив, как занервничал Бриджмен, он иронично усмехнулся. — Успокойся. Если захочешь, всегда сможешь прокопать под забором туннель.

— Я не собираюсь уходить, — холодно ответил Бриджмен. — Черт бы их побрал! Они превращают это место в зоопарк. Ты же понимаешь, что, когда вокруг поднимется забор, как прежде здесь уже не будет.

— Этот уголок Земли навечно останется Марсом. — Глаза Трэвиса под тяжелым лбом смотрели внимательно и цепко. — Я их понимаю. Случаев со смертельным исходом нет уже почти двадцать лет, и пассажирские ракеты считаются столь же безопасными, как и поезда. — Он взглянул на прогуливавшуюся между колонн Луизу Вудворд. — Они хотят запечатать прошлое. Тихо, без лишнего шума. А вместе с прошлым меня, тебя и Луизу. За что их можно только поблагодарить, ведь могли бы запросто сжечь здесь все огнеметом. Объяснить появлением опасного вируса. — Он зачерпнул пригоршню красного песка и принялся разглядывать мелкие кристаллики. — Так что будешь делать?

Мысли носились в голове, разряжаясь яркими, как сигнальные ракеты, вспышками. Так ничего и не ответив, Бриджмен отошел в сторону. Позади них, тихонько напевая в печальном ритме кружащихся песчинок, Луиза Вудворд бродила по глубоким галереям грота.

На следующее утро они втроем вернулись в город, проложив путь между отелями и магазинами через глубокие сугробы свежевыпавшего и сияющего под ярким солнечным светом красного песка. Трэвис и Луиза направились в свои мотели дальше по берегу, Бриджмен, оставшись, внимательно огляделся, но никаких признаков смотрителей и вездехода не обнаружил — буря уничтожила даже следы.

В своей комнате он нашел их визитную карточку.

Прорвавшийся через двери и окна песчаный прилив затопил стол и кровать и остался у задней стены сугробом высотой в три фута. Снаружи занесло защитный барьер, да и контуры пустыни изменились до неузнаваемости — напоминанием о былых перспективах служили обсидиановые шпили, погожие на буйки в волнующемся море. Все утро Бриджмен откапывал свои книги и оборудование, разбирал электрическую систему,

отсоединял аккумуляторы и переносил в комнату наверху. Он мог бы перебраться в пентхаус на верхнем этаже, но свет оттуда был бы виден на много миль.

Обосновавшись на новом месте, Бриджмен включил магнитофон и прослушал короткое сообщение, продиктованное тем отрывистым голосом, что накануне отдавал приказы смотрителям. «Это майор Уэбстер, заместитель коменданта резервации „Кокоа-Бич“. Согласно распоряжению Антивирусного подкомитета Генеральной Ассамблеи ООН, мы возводим ограждение вокруг береговой зоны. По завершении строительства выход из зоны будет запрещен, а лица, пытающиеся бежать, будут возвращаться в резервацию. Сдавайтесь, пока еще…»

Бриджмен остановил пленку, перемотал катушку и, сердито глядя на аппарат, стер запись. Заставить себя заняться наладкой систем и подключением оборудования не получалось. Некоторое время он бесцельно ходил по комнате, поправляя расставленные вдоль стены архитектурные чертежи. Беспокойство и чрезмерное волнение объяснялись, по-видимому, тем, что он уже давно пытался подавить — без особого, впрочем, успеха — те самые сомнения,

о которых напомнил Уэбстер. Выйдя на балкон, он долго смотрел на пустыню и красные дюны, подступившие под самые окна. Этот переезд стал уже четвертым, и череда одинаковых комнат, которые он занимал, представала замещенными, видимыми через призму образами его самого. Их общий фокус, последнее, окончательное определение себя, то, которое он так долго искал, пока что ускользал. Песок безвременья подползал к нему, меняющиеся контуры сжимались теснее, чем любой другой пейзаж, который он искал, чтобы заполнить психологическую пустоту, хороня под собой прошлые неудачи и сомнения, обволакивая их загадочным покровом.

Солнце поднималось все выше, красный песок мерцал и накалялся. Бриджмен знал, что уже никогда не увидит Марс и не отыграется за ту неудачу, но все необходимое для создания копии планеты находилось здесь, в пределах береговой зоны.

Лет пятьдесят назад, когда появились опасения, что бесконечные запуски межпланетных кораблей и космических зондов, а также перемещение на Марс больших объемов всевозможных запасов и оборудования приведут к уменьшению гравитационной массы Земли и смещению ее ор-

биты ближе к Солнцу, сюда доставили в качестве балласта несколько миллионов тонн поверхностного марсианского грунта.

Хотя толщина снятого слоя не превышала нескольких миллиметров и температура атмосферы повысилась лишь незначительно, кумулятивный эффект перемен выразился в потере тонких слоев внешней атмосферы и утрате радиологической защиты, благодаря которой биосфера и оставалась обитаемой.

В течение двадцати лет флот в составе нескольких огромных грузовых кораблей осуществлял челночные рейсы, сбрасывая доставляемый балласт в прибрежные воды у мыса Канаверал. Одновременно русские заполняли марсианским грунтом небольшой участок Каспийского моря. Предполагалось, что песок будет поглощен водами Атлантики и Каспия, но вскоре выяснилось, что результаты проведенного микробиологического анализа не соответствуют действительности.

На марсианских полярных шапках, где конденсировалась испарявшаяся в атмосферу вода, остатки древней органической материи сформировали верхний грунтовый слой, песчаный лёс, состоящий из фоссилизированных спор ги-

гантских лишайников и мхов, последних живых организмов, обитавших на планете миллионы лет назад. В этих спорах присутствовали кристаллические решетки вирусов, живших некогда на растениях, и теперь остатки их попали на Землю с балластом.

Несколько лет спустя в южных штатах Америки и среднеазиатских республиках Советского Союза, Казахстане и Туркменистане, был отмечен резкий рост заболевания растений: по всей Флориде происходили вспышки мозаичной болезни, высыхали и умирали плантации апельсинов, придорожные пальмы расщеплялись, словно шкурки перезрелых бананов, стебли меч-травы в летнюю жару становились жесткими, как бумажные дротики. За несколько лет весь полуостров превратился в пустыню. Болотистые джунгли Эверглейдса высохли, в оставшихся без воды руслах блестели скелеты крокодилов и птиц, леса окаменели.

Космодром на мысе Канаверал закрыли, а уже через некоторое время были блокированы и эвакуированы курорты Кокоа-Бич, объекты недвижимости в миллионы долларов пришлось отдать вирусу. Влияние последнего — не представляющего, к счастью, опасности для скота

— ограничивалось небольшим районом лёса, который, собственно, и послужил его переносчиком, однако, попадая в организм человека и вступая в контакт с определенной бактерией кишечной флоры, он, не причиняя вреда носителю, при повторном попадании в грунт оказывал губительный эффект на растительность не только на мысе Канаверал, но и вдалеке от него.

Хотя ночь и выдалась беспокойной, уснуть не удавалось, и Бриджмен раздраженно включил магнитофон. Спасаясь от смотрителей, в душе он надеялся, что они все же поймают его. Загадочные судороги в ноге имели, скорее всего, психогенный характер. Будучи не в состоянии сознательно принять логику Уэбстера, он смирился бы с пленением как со свершившимся фактом, с благодарностью перенес бы обязательный годичный карантин в отделении паразитологической защиты в Тампе, а потом вернулся бы к карьере архитектора — наказанный, но примирившийся с профессиональной неудачей.

Пока, однако, удобный для капитуляции случай так и не выпал. Трэвис, похоже, догадывался о его двойственных мотивах, и Бриджмен заметил, что ни он, ни Луиза Вудворд ничего не сказали по поводу вечерней встречи.

Вскоре после полудня Бриджмен выбрался на улицу, прошел, бороздя свежие заносы красного песка, по следам, оставленным в переулках Луизой и Трэвисом, и в итоге потерял их на южной окраине города, где песок был другим, более грубым, а мотели утопали среди мелкозернистых дюн. Отказавшись от попыток найти пару, он повернул назад и, проходя пустынными, без теней улицами, то и дело кричал, а потом слушал улетающее и грохочущее между дюнами эхо.

Ближе к вечеру Бриджмен направился на северо-восток, осторожно прокладывая путь через впадины и уклоны, приседая в озерках тени каждый раз, когда ветер приносил издалека звуки работающих по периметру строительных бригад. Зернышки красного песка в огромных котлованах сверкали, словно бриллианты. Тут и там на склонах виднелись ржавые куски марсианских спутников и стартовых ступеней, упавших когда-то в марсианскую пустыню и привезенных потом на Землю. На одном фрагменте, напоминающем вогнутый щит целой секции обшивочной панели, еще можно было разобрать идентификационный номер. Плита стояла в песке вертикально, как дверь, приглашающая в никуда.

Перед закатом Бриджмен добрался до высокого

обсидианового зубца, устремившегося в светло-вишневое небо, будто шпиль разрушенной церкви, поднялся по выступающим карнизам и прошелся взглядам по двух- или трехмильной полосе дюн до самого периметра. Озаренные последним дневным светом, металлические решетки отливали розоватым сиянием, словно сказочные ворота на краю зачарованного моря. Забор растянулся по меньшей мере на милю, и вот теперь, у него на глазах, строительный кран поднял громадную секцию, перенес ее и поставил на место. Растягивающееся ограждение уже закрыло собой восточный горизонт, превратив отрезанный марсианский песок в гравий, разбросанный по дну клетки.

Получив предупреждение — болезненное дрожание в икре, — Бриджмен спрыгнул, подняв облако пыли, и, не оглядываясь, поспешил в город между рифов и дюн.

Позднее, когда последние барочные завитки заката погасли за горизонтом, он устроился на крыше и стал ждать Трэвиса и Луизу, нетерпеливо оглядывая пустынные, залитые лунным светом улицы.

Схождение началось вскоре после полуночи, на высоте 35 градусов в юго-западном секторе неба,

между созвездиями Орла и Змееносца. Продолжая наблюдать за улицами, Бриджмен не обращал внимания на семь ярких точек, несущихся к нему со стороны горизонта, подобно силам вторжения из глубокого космоса. Ничто пока не указывало на то, что их орбитальные дороги скоро пересекутся; спутники двигались так, словно были вместе всегда, в той плотной конфигурации, которую Бриджмен знал с детства, как утраченную зодиакальную эмблему, некое обособленное, сдвинутое с небесной сферы созвездие, отчаянно стремящееся вернуться на прежнее место.

— Трэвис! Чтоб тебя! — рыкнул Бриджмен и, повернув с балкона, двинулся вдоль перил на крыше высотки. Поскольку Трэвис и Луиза избегали его, как парии, он был вынужден признать, что уже не является настоящим бичкомбером, и обретался теперь на ничьей земле, между ними и смотрителями.

Семерка спутников приближалась, и Бриджмен мельком взглянул на них. Сейчас они составляли вполне узнаваемую, но необычную конфигурацию, напоминающую греческую букву Х, косой крест с четырьмя капсулами — Конноли, Ткачев, Меррил и Маяковский — на поперечной линии и тремя на продольной — Покровский, Вудворд

и Бродиснек. Одни видели в конфигурации серп и молот, другие — орла, третьи — свастику, голубя, ту или иную религиозную или руническую эмблему, но, так или иначе, всем им грозила приближающаяся перспектива сгорания. Они и видны были именно по причине медленного разрушения алюминиевых оболочек; часто указывалось, что земной наблюдатель видит не реальную капсулу, а локальное поле испаренного алюминия и ионизированного газа, перекиси водорода из разрушенных двигателей системы ориентации, тянущееся за капсулой полумильным хвостом. Последний из попавших на орбиту, Вудворд был едва заметным пятнышком света. Корпуса капсул, несших в себе прекрасно сохранившийся человеческий груз, неуклонно разрушались, и широкий веер из серебристых брызг, раскрывшийся за Меррилом и Покровским (1998 и 1999), напоминал трансформирующуюся в новую двойную звезду в центре созвездия. По мере уменьшения массы капсулы опускались все ниже и вскоре должны были коснуться более плотных слоев атмосферы, а затем упасть на землю.

Спутники мчались к нему, и Бриджмен, глядя на них, забыл и про Трэвиса, и про свое недоволь-

ство им. Как всегда, этот жутковатый и вместе с тем захватывающий спектакль с участием призрачного конвоя, в очередной раз проносящегося по темному морю полуночного неба, тронул его до глубины души: умершие давным-давно астронавты сходились ненадолго, а потом опять расходились, следуя каждый своим путем, своей траекторией по периметру ионосферы, кромке прилива, грани, отделявшей Земной берег от забравшего их космоса.

Бриджмен никогда не понимал, как Луиза Вудворд может смотреть на это. Однажды, вскоре после прибытия, он пригласил ее в отель, заметив, что оттуда отрывается прекрасный вид на закат, и она резко и с горечью бросила: «Прекрасный вид? Вы хотя бы представляете, каково оно — смотреть на закат, когда ваш муж вертится вокруг Земли в этом гробу?»

Такая реакция была обычной, когда, не сумев пристыковаться к орбитальной платформе, погибли первые космонавты. Позднее была предпринята попытка сбить эти «новые звезды» — тогда всех волновала перспектива увидеть через тысячу лет захламленное космическим мусором небо, — но по прошествии некоторого времени их просто оставили в покое на этом

естественном для них кладбище, где они уже формировали свой ритуал движения.

Скрытые завесами поднятой бурей пыли, спутники сияли примерно с той же силой, что и звезды второй группы яркости, помигивая, когда на пути отраженного света появлялись слоисто-перистые облака.

Хвост диффузного света позади Меррила и Покровского, обычно заслонявший другие капсулы, как будто уменьшился в размерах, и Бриджмен впервые за несколько месяцев ясно увидел Маяковского и Бродиснека. Не упадут ли первыми именно Меррил и Покровский? Формация как раз проходила у него над головой, и Бриджмен сосредоточил внимание на центре креста. И тут же, резко вздохнув, удивленно откинул голову — в привычного вида группе явно недоставало одного пятнышка. То, что он поначалу принял за вмешательство пылевых облаков, объяснялось куда проще: одна из капсул — похоже, Меррила, третья в поперечной линии — свалилась с орбиты.

Задрав голову, не отрывая глаз от направляющегося к восточному горизонту конвоя, Бриджмен смещался от одного края крыши к другому — медленно, бочком, обходя ржавые куски

неоновой вывески. Теперь, когда хвост капсулы Меррила больше не застилал его, Вудворд сиял намного ярче и яснее и даже как будто занял место последнего, хотя тот не должен был свалиться с орбиты по меньшей мере раньше, чем через сто лет.

Где-то вдалеке зарычал двигатель, а секундой позже с другой стороны донесся слабый женский крик. Бриджмен шагнул к перилам и увидел на крыше высотки, через два дома от него, два силуэта. И тут же Луиза Вудворд вскрикнула снова. Вскинув обе руки, она указывала на небо, и ветер трепал ее длинные волосы. Трэвис пытался сдержать Луизу, и Бриджмен, наблюдая за ними, понял, в чем дело: по всей видимости, несчастная женщина решила, что упавшим астронавтом был не Меррил, а ее муж. Бриджмен перебрался на край балкона и уже оттуда продолжал следить за развитием печальной и трогательной сцены на далекой крыше.

Где-то между дюнами снова заурчал мотор. Не успел Бриджмен обернуться, как небо на юго-востоке расколол сверкающий клинок света. Словно мчащаяся на громадной скорости комета, длиннющий хвост огненных частиц протянулся за ним до самого горизонта, четко выписы-

вая нисходящую траекторию. Отделившись от остальных капсул, уже исчезавших среди звезд в восточной части горизонта, эта была теперь в считаных милях от земли.

Судя по направлению движения, сорвавшийся с орбиты спутник метил в отель. Расширяющаяся корона белого света, словно гигантская сигнальная ракета, озарила крыши зданий, вычертив буквы неоновых вывесок над затопленными мотелями на краю города. Бриджмен метнулся к двери и уже сбегал по лестнице, когда сияние падающего сателлита заполнило мрачные улицы, словно свет тысячи лун. Из своей комнаты, защищенной громадиной отеля, он увидел, как дюны перед ним вспыхнули, будто театральная сцена. Сотнях в трех ярдов от отеля на гребне песчаного холма замер приземистый, в камуфляжной раскраске вездеход; свет его прожектора совершенно растворился в льющемся с неба свечении.

С глухим металлическим стоном охваченный пламенем катафалк мертвого астронавта взметнулся вверх, рассыпая каскад испаряющихся металлических частиц и заливая небо нестерпимым жаром. Отраженная вниз, словно экспресс под прожекторами самолета, длинная полоса света шириной в несколько сотен ярдов устреми-

лась через пустыню к морю. Бриджмен заслонил ладонью глаза, и в этот момент полоса вдруг вскинулась, подброшенная мощным взрывом. Громадная стена белой пыли поднялась в воздух и медленно осела на землю. Грохочущие раскаты, набирая силу, докатились до отеля и, достигнув крещендо, пробарабанили по окнам. Словно эхом большого взрыва несколько мелких взметнулись переливчатыми опаловыми фонтанами. По всей пустыне, там, где упали фрагменты капсулы, вспыхнули недолгие пожары. Затем шум постепенно стих, и в воздухе повисла огромная, напоминающая серебристое покрывало пелена светящегося газа со вспыхивающими и гаснущими в ней частицами.

В паре сотен ярдов от отеля по песку бежала Луиза Вудворд. За ней, отставая шагов на двадцать, следовал Трэвис. Наблюдая за тем, как они то исчезают за дюнами, то появляются снова, Бриджмен вдруг ощутил холодный удар в лицо. Свет из поворотной фары залил комнату. Вездеход двигался прямо к нему, и сидящие на борту смотрители приготовили сети и лассо.

Бриджмен быстро перелез через перила, спрыгнул на песок и побежал к вершине первой дюны. Луч уже искал его, рыская в темноте. Светяща-

яся пелена вверху понемногу меркла, частички металла постепенно опускались на темный марсианский песок. Вдалеке, между растянувшимися по побережью отелями, еще звучало убегающее эхо.

Через пять минут его поймали. Вместе с Луизой Вудворд и Трэвисом. Капсула при падении сровняла с землей несколько дюн, сформировав мелкую впадину диаметром в четверть мили, на склонах которой сверкали, словно меркнущие глаза, разбросанные частицы.

Вездеход рычал в четырех-пяти сотнях ярдов у него за спиной. Бриджмен перешел на шаг и остановился возле стоявшего на коленях и пытавшегося отдышаться Трэвиса. Неподалеку, растерянно всматриваясь в обугленные куски металла, бегала туда-сюда Луиза. В какой-то момент луч вездехода наткнулся на нее, и она спряталась за дюнами. На лице ее, как успел заметить Бриджмен, застыло выражение безутешного горя.

Трэвис все еще стоял на коленях и, подобрав кусок железа, сжимал его в руках.

— Трэвис, ради бога, да скажи ты ей! Это наверняка капсула Меррила! Вудворд все еще в небе!

Трэвис молча и пристально посмотрел на Бриджмена. Болевой спазм расщепил губы, и

Бриджмен вдруг понял, что кусок железа мерцает жаром.

— Трэвис! — Он попытался развести его руки и ощутил едкий, вонючий запах горящей плоти.

— Оставь ее в покое. — Трэвис оттолкнул его. — Уходи со смотрителями!

Бриджмен отступил от приближающегося вездехода. Луч фары шарил по впадине в тридцати ярдах от него. Луиза продолжала искать что-то между дюнами. Трэвис не сдвинулся с места, а когда смотрители спрыгнули с машины и двинулись к нему со своими сетями и лассо, поднял окровавленные руки, сжимая, словно кинжал, стальной шип. Во главе смотрителей, единственный без маски, шел подтянутый, аккуратный мужчина с серьезным, напряженным лицом. Бриджмен понял, что это и есть майор Уэбстер и что смотрители знали о предстоящем падении капсулы и надеялись захватить их, в первую очередь Луизу, раньше.

Бриджмен побрел назад, к дюнам в конце впадины. Подходя к вершине, он зацепился ногой о какую-то полукруглую пластину и сел на песок. Пластина определенно была частью контрольной панели с сохранившимся корпусом.

Поблескивающая пелена пара сдвинулась к

северо-востоку, и отраженный свет падал на заржавевшие конструкции бывшей стартовой площадки мыса Канаверал.

На несколько секунд порталы и краны окутались серебряным блеском, преображенные испарившимся телом мертвого астронавта, рассеявшегося над ними в прощальном жесте, вернувшегося навсегда туда, откуда он столетие назад начал путь к смерти. Потом они снова погрузились в свои грубые, шероховатые тени, и покров соскользнул, как призрак, к морю, едва отличимый от сияния звезд.

Внизу, окруженный смотрителями, сидел на земле Трэвис. Словно обезумевший краб, он дергался то туда, то сюда и швырял в смотрителей пригоршни зараженного вирусом песка. Прижимая к лицу маски, смотрители окружали его, держа наготове сети и лассо. Другая группа медленно подступала к Бриджмену.

Бриджмен взял пригоршню темного марсианского песка возле инструментальной панели. Мягкие, поблескивающие кристаллы согрели ладонь. Перед его внутренним взором еще лежал укрытый серебром стартовый комплекс на другом берегу залива, забавный мираж, почти идентичный спроектированному им давным-

давно марсианскому городу.

Пелена растворилась над морем. Бриджмен окинул взглядом разбросанные по склонам обломки капсулы Меррила. Высоко в западной части неба, между Пегасом и Лебедем, сверкал далекий диск планеты Марс, долгое время служивший и для него самого, и для мертвого астронавта символом неудовлетворенных амбиций. Копию той планеты, пассивно лежавшую вокруг него, остужал гулявший по песку ветер, и он наконец понял, зачем приехал сюда и почему не смог уехать.

В стороне, шагах в двадцати, Трэвис, как дикая собака, бился в центре опутавших его сетей. Луиза Вудворд бежала между дюнами к морю, следом за исчезающим газовым облаком.

Словно получив доступ к новообретенной уверенности, Бриджмен ударил кулаком по темному песку, основательно погрузив в него руку. Кусок раскаленного металла от капсулы Меррила обжег запястье, соединив его с духом умершего астронавта. Разбросанный по марсианскому песку Меррил в некотором смысле все же достиг Марса.

— К черту! — торжествующе крикнул Бриджмен за мгновение до того, как лассо смотрителей сдавили его шею и плечи. — Мы сделали это!

1962

The Cage of Sand. Первая публикация в журнале *New Worlds*, июнь 1962.

Перевод С. Самуйлова